Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 9. С. 58–66.
Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2022. No. 9. P. 58–66.

Научная статья
УДК 159.99.07
https://doi.org/10.24158/spp.2022.9.9

Русскоязычная версия «Шкалы родительского стресса»: результаты первичной оценки внутренней надежности и валидности

Юлия Викторовна Мисиюк[1], Инна Викторовна Тихонова[2]
[1,2]Костромской государственный университет, Кострома, Россия
[1]misiyk@ysmu.ru, https://orcid.org/0000-0003-3257-1978
[2]inn.007@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7756-0610

Аннотация. Феномен родительского стресса часто оказывается в фокусе внимания современных исследователей, так как может выступать в качестве фактора эффективности воспитательных практик. Инструменты оценки выраженности родительского стресса имеют прогностическое значение, но можно констатировать недостаточность инструментария. В статье представлены результаты анализа использования опросника «Шкала родительского стресса» (Parental Stress Scale – PSS) Дж.О. Берри и У.Х. Джонса, описание процесса адаптации и результаты первичной оценки внутренней надежности и валидности его русскоязычной версии на русскоязычной выборке. Психометрическая оценка проводилась на выборке из 265 родителей (M = 37,19; SD = 6,69). Адаптированная версия PSS демонстрирует приемлемый уровень надежности – согласованность пунктов интегральной шкалы (α Кронбаха = 0,881), пункты опросника имеют умеренные положительные корреляции с суммарным баллом. Результаты конфирматорного факторного анализа подтвердили предложенную авторами четырехфакторную структуру. Определены перспективы дальнейшей работы с опросником.

Ключевые слова: родительский стресс, шкала родительского стресса, психометрическая проверка теста, оценка надежности и валидности теста

Финансирование: исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00678 «Родительство как травма: концептуализация, феноменология, поиск генезиса».

Благодарности: выражаем искреннюю признательность за помощь и консультации Е.Ю. Чеботаревой.

Для цитирования: Мисиюк Ю.В., Тихонова И.В. Русскоязычная версия «Шкалы родительского стресса»: результаты первичной оценки внутренней надежности и валидности // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 9. С. 58–66. https://doi.org/10.24158/spp.2022.9.9.

Original article

Russian Version of the Parental Stress Scale: Results of the Initial Assessment of Internal Reliability and Validity

Yulia V. Misiyuk[1], Inna V. Tikhonova[2]
[1,2]Kostroma State University, Kostroma, Russia
[1]misiyk@ysmu.ru, https://orcid.org/0000-0003-3257-1978
[2]inn.007@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7756-0610

Abstract. The phenomenon of parental stress is often the focus of attention of modern researchers, as it can act as a factor in the effectiveness of educational practices. Tools for assessing the severity of parental stress have prognostic value, but they are insufficient. The article presents the results of the analysis of using the J.O. Berry and W.H. Jones Parental Stress Scale (PSS) questionnaire, the description of the adaptation process and the results of the primary assessment of the internal reliability and validity of its Russian version on the Russian-language sample. Psychometric assessment was carried out on a sample of 265 parents (M = 37,19, SD = 6,69). The adapted version of the PSS shows an acceptable level of reliability: the points of the integral scale are consistent (Cronbach's alpha = 0,881), the questionnaire items have moderate positive correlations with the total score. The results of the confirmatory factor analysis prove the four-factor structure proposed by the authors. The prospects for further work with the questionnaire are determined.

Keywords: parental stress, Parental Stress Scale, psychometric test validation, assessment of the test's reliability and validity

Funding: the research "Parenthood as a trauma: conceptualization, phenomenology, search for genesis" is carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-28-00678.

Acknowledgments: we express our sincere gratitude to E.Yu. Chebotareva for the help and advice.

For citation: Misiyuk, Yu.V. & Tikhonova, I.V. (2022) Russian Version of the Parental Stress Scale: Results of the Initial Assessment of Internal Reliability and Validity. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (9), 58–66. Available from: doi:10.24158/spp.2022.9.9 (In Russian).

© Мисиюк Ю.В., Тихонова И.В., 2022

Введение. Наблюдаемые трансформации социальных представлений, норм и установок в отношении родительства не только приводят к изменению воспитательных практик, но и формируют условия для повышения эмоциональной и физической напряженности роли родителя. Это способствовало созданию актуальных направлений исследования родительского стресса в зарубежной и отечественной психологии. Инструменты оценки его выраженности имеют прогностическое значение, но можно констатировать недостаточность инструментария. Среди относительно немногочисленных инструментов, которые позволяют оценивать различия в родительском стрессе, Дж.О. Берри и У.Х. Джонсом разработан опросник «Шкала родительского стресса» для диагностики индивидуальных показателей стресса, связанного с выполнением родительской роли (Parental Stress Scale – PSS) (Berry, Jones, 1995).

Анализ зарубежных и отечественных исследований использования и интерпретации шкалы родительского стресса (PSS). Широкий опыт применения PSS прослеживается в зарубежной и российской психологии и на протяжении последних двух десятилетий. Эта мера самоотчета из 18 пунктов имеет преимущества краткости и просты в использовании. Первоначально опросник был разработан как альтернатива индексу родительского стресса (Parenting Stress Index – PSI) (Abidin, 1992), который является трудозатратным в реализации, особенно для неклинических популяций. PSS фокусируется на восприятии родителями своей родительской роли, а не на источниках стресса. Важно отметить, что Дж.О. Берри и У.Х. Джонс обращали внимание как на удовольствие (вознаграждение), так и на напряжение, связанные с родительством (Berry, Jones, 1995). Методика опирается на ресурсную модель стресса С. Хобфолла (Hobfoll, 1989), трактующую стресс как реакцию на дисбаланс требований, предъявляемых человеку реальностью, и ресурсов, имеющихся у него в распоряжении, чтобы к адаптироваться реальности. Авторы методики применили модель к родительству и построили ее на оценке баланса требований, которые предъявляет родительская роль (время, силы, финансовые затраты, ограничение в возможности располагать собой и др.), и дополнительных ресурсов, которые она предоставляет (переживание счастья, теплая привязанность к ребенку, удовольствие от общения с ним и др.) (Петрановская, Чеботарева, 2019). Опросник позволяет оценить родительский стресс независимо от семейных, финансовых или других жизненных стрессов, фокусируется не на ситуативно обусловленном эмоциональном состоянии, а на восприятии родительской роли (Berry, Jones, 1995).

PSS является широко используемым инструментом как в исследованиях, так и в клинической практике. По словам А. Луи, Л. Кромер и Дж. Берри, которые проанализировали результаты применения PSS в 25 исследованиях двух десятилетий, шкала в настоящее время переведена на 26 языков (Louie et al., 2017). Работы охватывают разные популяции, в том числе впервые родивших родителей (Oronoz et al., 2007; Pontoppidan et al., 2018), родителей детей с хроническими соматическими заболеваниями (Zelman, Ferro, 2018) и расстройствами аутистического спектра (Impact of stress…, 2017; Parental stress…, 2017), популяционные выборки (Algarvio et al., 2018; Nærde, Sommer Hukkelberg, 2020), выборки клинических и неклинических испытуемых (Leung, Tsang, 2010).

Следует принимать во внимание, что количество пунктов шкалы PSS и выделенных факторов варьирует. Диапазон модификаций, предложенных в различных исследованиях, связан, например, с культурными различиями в переводе, различиями в формате ответов, характеристиками выборки и статистическими обоснованиями (Nærde, Sommer Hukkelberg, 2020).

Первоначальное исследование, проведенное Дж.О. Берри и У.Х. Джонсом, ориентировано на оценку психометрических свойств PSS из 18 пунктов у различных групп респондентов. После факторного анализа были выявлены четыре коррелирующих фактора по 16 элементам PSS: родительское вознаграждение, родительские стрессоры, потеря контроля и родительское удовлетворение (Berry, Jones, 1995). Таким образом, уже в оригинальном труде два пункта были исключены из-за отсутствия значительных нагрузок. Кроме того, определены две существенные перекрестные нагрузки.

Оригинальная факторная структура PSS была проверена и воспроизведена Дж. Зельман и М. Ферро (Zelman, Ferro, 2018) на небольшой выборке родителей детей с хроническими соматическими заболеваниями в возрасте 6–16 лет (N = 50). Также С. Альгарвио с коллегами в португальской версии PSS на большой выборке родителей с детьми дошкольного и младшего школьного возраста (N = 3 842) в результате подтверждающего факторного анализа (CFA) показал четырехфакторную структуру PSS: страхи/тревога, удовлетворенность родителей, родительские стрессоры и отсутствие контроля, по 14 пунктам (Algarvio et al., 2018). При этом пункты, включенные в каждый фактор, отличались от таковых у Дж.О. Берри и У.Х. Джонса (Berry, Jones, 1995). Однако другие исследования получили иную структуру шкалы родительского стресса. Например, Б. Ороноз с соавторами изучили психометрические свойства испанской версии PSS среди родителей, впервые родивших, с ребенком в возрасте от 3 до 8 месяцев (N = 211). С помощью эксплораторного факторного анализа (EFA) получена двухфакторная структура опросника по 15 пунктам: стрессоры и вознаграждения (Oronoz et al., 2007).

С. Чунг обратился к психометрическим свойствам китайской версии PSS на выборке адаптивных и неадаптивных семей (с проблемами в отношениях между родителями и детьми и без них) с детьми младше 12 лет (*N* = 257) (Cheung, 2000). В результате анализа получена двухфакторная шкала, включающая удовлетворенность и напряжение родителей по 16 пунктам с использованием формата ответа по шкале Лайкерта из 6 пунктов, а не из исходных 5. Эта китайская версия была также использована С. Леунг и С. Цанг для проверки одномерности PSS с применением моделирования Раша (Rasch Models) в неклинической выборке родителей с детьми младшего школьного возраста (*N* = 162), а также в выборке родителей, имеющих детей с СДВГ (*N* = 38). Они идентифицировали версию из 16 пунктов с исходными 5 категориями как одномерную (Leung, Tsang, 2010).

Проверка надежности и валидности шкалы родительского стресса в популяционной выборке норвежских родителей (*N* = 1 096) с детьми до года исследователями А. Нэрде и С. Зоммер Хуккельберг выявила двумерную структуру: родительские стрессоры и отсутствие вознаграждения (Nærde, Sommer Hukkelberg, 2020). Валидизация шкалы родительского стресса PSS-18 в греческой выборке матерей с младенцами в возрасте 0–12 месяцев (*N* = 735) позволила выделить два основных фактора: положительные стороны воспитания и отрицательные стороны воспитания (Validation of parental stress…, 2022). Обобщая многочисленные исследования, можно заключить, что большинство авторов выступают за многомерную структуру PSS, включающую от 12 до 18 пунктов.

Опыт реализации методов диагностики родительского стресса в России, как и в мировой практике, сводится к использованию индекса родительского стресса (PSI) для родителей детей от 1 месяца до 12 лет (Abidin, 1992) и индекса стресса для родителей подростков (Stress Index for Parents of Adolescents – SIPA), применяемых в клинической, школьной практике и социальной работе (Николаева, Овчарова, 2018). Наряду с названными методами встречаются исследования с привлечением шкалы родительского стресса (PSS) Дж.О. Берри и У.Х. Джонса (Апробация методики…, 2009; Николаева, Овчарова, 2018; Петрановская, Чеботарева, 2019). По доступным нам данным, методика «Шкала родительского стресса» (Berry, Jones, 1995) еще не была адаптирована и валидизирована в России.

Учитывая широкое использование PSS в исследовательской и клинической работе, крайне актуальной является проверка валидности, надежности и факторной структуры шкалы на российской выборке. Адаптация и валидизация опросника на выборке российских родителей необходимы в целях его применения в исследованиях и практике, анализа кросскультурных показателей родительского стресса. Учитывая, что требования родительства различны на разных этапах развития ребенка, настоящее исследование направлено на изучение надежности и достоверности PSS на русскоязычной выборке с широким возрастным диапазоном детей. При этом мы стремились получить конструкцию шкалы в соответствии с ее оригинальной четырехфакторной структурой, предложенной Дж.О. Берри и У.Х. Джонсом (Berry, Jones, 1995). Таким образом, *целью исследования* выступает проверка надежности, внутренней и конструктной валидности опросника «Шкала родительского стресса» на русскоязычной выборке.

Характеристика оригинальной версии методики. Методика содержит 18 утверждений о типичных отношениях с ребенком, включающих прямые и обратные вопросы, которые оцениваются по пятибалльной шкале Лайкерта (от «полностью не согласен» до «полностью согласен»). Итоговый бал находится в диапазоне от 18 (низкий уровень стресса) до 90 (высокий уровень стресса)[1]. Дж.О. Берри, У.Х. Джонс выделяют следующие четыре субшкалы (Петрановская, Чеботарева, 2019; Berry, Jones, 1995; Nærde, Sommer Hukkelberg, 2020).

1. «*Родительское вознаграждение*» (*parental rewards*) – удовольствие от исполнения родительской роли. Субшкала представлена обратными вопросами, пример утверждения: «Мне нравится проводить время со своим ребенком».

2. «*Родительские стрессоры*» (*parental stressors*) – требования, предъявляемые родительской ролью: «Забота о моем ребенке иногда требует больше времени и энергии, чем я могу дать».

3. «*Потеря контроля*» (*lask of control*) – переживание утраты контроля над своей жизнью в результате появления ребенка: «Я чувствую себя подавленным обязанностью быть родителем».

4. «*Родительская удовлетворенность*» (*parental satisfaction*) – удовлетворение собой как родителем. Субшкала включает как прямые утверждения («Если бы мне дали второй шанс, возможно, я бы решил (-а) не иметь ребенка (детей)»), так и обратные («Я удовлетворен как родитель»).

Два вопроса авторами не соотнесены ни с одной из субшкал, при этом учитываются в интегральном показателе: «Нет почти ничего, чего бы я не сделал для своего ребенка (детей), если бы это было необходимо» и «Я иногда беспокоюсь, достаточно ли я делаю для своего ребенка (детей)».

Субшкалы 2 и 3 описывают требования родительской роли, субшкалы 1 и 4 – ее преимущества (Петрановская, Чеботарева, 2019). Следует отметить, что шкалы «Родительское вознаграж-

[1] Мисиюк Ю.В. Интенсивное материнство и его психологические последствия для женщины : дис. … канд. психол. наук. Кострома, 2022. 236 с.

дение» и «Родительское удовлетворение» требуют уточнения в формулировке, поскольку их высокие значения указывают на недостаток ресурсов, а следовательно, на высокий риск стресса. Таким образом, чтобы не вводить исследователей в заблуждение, более корректно обозначить их прямой формулировкой: «Родительская неудовлетворенность» и «Родительский ущерб».

Авторы подчеркивают, что методика устойчива как к социально-демографическим характеристикам, так и к воздействию ситуативных стрессоров, оценивает стресс от исполнения родительской роли как таковой, без привязки к конкретным событиям. Шкала может быть использована на выборке как матерей, так и отцов; нормотипичных родителей и родителей, имеющих детей с особенностями развития и поведения, проблемами здоровья и др. (Петрановская, Чеботарева, 2019; Berry, Jones, 1995).

Организация исследования. Выборка состояла из 265 человек (M = 37,19; SD = 6,69): 11 мужчин в возрасте от 27 до 49 лет (M = 43,45; SD = 7,04) и 254 женщины в возрасте от 20 до 53 лет (M = 36,94; SD = 6,07), имеющих 1–4 детей (M = 1,83, SD = 0,8). Критерием отбора женщин и мужчин для участия в исследовании было наличие детей (ребенка) до 18 лет, проживающих совместно. Работа реализована в строгом соответствии с политикой конфиденциальности.

Результаты исследования и их обсуждение. Адаптация инструмента предполагает ряд процедур, обосновывающих эквивалентность измеряемого конструкта в разных культурах (Орёл, Сенин, 2008). Согласно международным стандартам, процесс адаптации включает в себя несколько этапов – перевод инструмента и его последующую валидизацию (Орёл, Сенин, 2008; ITC guidelines…, 2018).

Перевод ранее неадаптированной методики на русский язык включает описание шкал и инструкции для респондентов. Был использован метод прямого и обратного перевода (ассиметричный перевод). Оригинал опросника переведен на русский язык параллельно двумя независимыми переводчиками, варианты сведены третьим независимым экспертом. В процессе сравнения оригинальной методики с версией, полученной в результате обратного перевода, проблем и неточностей не выявлено[1]. Для адаптации лексики и грамматики языка проводились экспертная содержательная оценка переведенных утверждений методики и проверка эквивалентности перевода оригиналу. Эта процедура направлена на устранение наиболее грубых различий между оригиналом и переводом с учетом культурного контекста. В качестве специалистов выступали лица, свободно владеющие обоими языками (билингвы), имеющие психологическое образование[2].

Экспертная содержательная оценка переведенных утверждений методики на соответствие содержания вопросов субшкалам опросника направлена на обоснование эквивалентности измеряемого конструкта в российской культуре, определение степени, в которой смысл авторской версии вопросов соответствует тому, как респонденты интерпретируют их в условиях российской ментальности. В экспертизе участвовали четыре эксперта-психолога, специализирующихся на тематике исследований стресса. Они распределяли вопросы опросника по четырем шкалам, изначально заданным автором методики (таблица 1).

Таблица 1 – Соотнесение утверждений опросника «Шкала родительского стресса» с субшкалами на основании экспертной оценки

Субшкала и ее содержание	Утверждения в авторской версии	Номера утверждений по результатам экспертной оценки
1	2	3
Родительское вознаграждение / родительский ущерб – удовольствие, позитивные эмоции, которые приносит исполнение родительской роли	1, 5–8	1. Я счастлив в роли родителя (r)*
		5. Я ощущаю близость со своим ребенком (детьми) (r)*
		6. Я наслаждаюсь временем, проведенным со своим ребенком (детьми) (r)*
		7. Мой ребенок (дети) является (-ются) важным источником любви для меня (r)*
		8. Рождение ребенка (детей) дает мне более уверенный и оптимистичный взгляд на будущее (r)*
Родительские стрессоры – требования, которые предъявляет исполнение родительской роли	3, 9–12, 16	3. Забота о ребенке (детях) иногда требует больше времени и сил, чем я могу дать
		9. Основной источник стресса в моей жизни – это мой ребенок (дети)
		11. Наличие ребенка (детей) является финансовым бременем
		13. Поведение моего ребенка (детей) часто меня смущает или вызывает стресс

[1] Мисиюк Ю.В. Указ. соч.
[2] Там же.

Продолжение таблицы 1

1	2	3
Потеря контроля – переживание утраты контроля над своей жизнью в результате появления ребенка	14–16	10. Появление ребенка (детей) оставляет мало времени и свободы действий в моей жизни
		12. Мне сложно совмещать разные обязанности из-за моего ребенка (детей)
		15. Я чувствую себя подавленным ответственностью быть родителем
		16. Рождение ребенка (детей) означает для меня отсутствие выбора и слишком мало контроля над моей жизнью
Родительская удовлетворенность / неудовлетворенность – удовлетворение собой как родителем	13, 17, 18	4. Я иногда беспокоюсь, достаточно ли я делаю для своего ребенка (детей)
		14. Если бы мне дали второй шанс, возможно, я бы решил (-а) не иметь ребенка (детей)
		17. Как родитель я удовлетворен (r)*
		18. Дети – источник моей радости (r)*
Вопрос, не соотнесенный ни с одной из субшкал, но учитываемый в общем уровне родительского стресса	2, 4	2. Для меня практически не существует того, что я бы не смог (-ла) сделать для своего ребенка (детей) в случае необходимости (r)*

*Вопрос является обратным и требует инвертирования баллов.

На основе экспертной оценки сформирована теоретическая модель четырехфакторной структуры для российской выборки. В субшкалах утверждения были распределены равномерно, утверждение 2 оказалось несоотнесенным ни с одной субшкалой. Субшкала «Родительское вознаграждение» отражает полное семантическое соответствие утверждений оригинальной версии (Berry, Jones, 1995).

Проверка надежности. Надежность опросника оценивалась в рамках классической теории тестирования с использованием коэффициента α Кронбаха (Tavakol, Dennick, 2011). Адаптированная версия PSS показала высокий уровень надежности, выражающийся в согласованности пунктов интегральной шкалы (α Кронбаха = 0,881). Все пункты опросника (кроме вопроса 2) имеют умеренные положительные корреляции с суммарным баллом и находятся в диапазоне $0{,}320 < r < 0{,}675$. В таблице 2 приведены показатели согласованности шкалы при удалении из нее каждого из вопросов.

Таблица 2 – Внутренняя согласованность утверждений и суммарного показателя опросника «Шкала родительского стресса»

Субшкала	Утверждение	Корреляция с суммарным баллом	α Кронбаха при удалении пункта
Родительские стрессоры	3	0,348	0,872
Родительское удовлетворение	4	0,320	0,874
Родительские стрессоры	9	0,433	0,869
Потеря контроля	10	0,589	0,862
Родительские стрессоры	11	0,480	0,867
Потеря контроля	12	0,581	0,862
Родительские стрессоры	13	0,479	0,867
Родительское удовлетворение	14	0,481	0,867
Потеря контроля	15	0,675	0,860
Потеря контроля	16	0,590	0,862
Родительское вознаграждение	1 перекодированный	0,634	0,861
Вопрос, не соотнесенный ни с одной из подшкал	2 перекодированный	0,194	0,877
Родительское вознаграждение	5 перекодированный	0,369	0,870
Родительское вознаграждение	6 перекодированный	0,556	0,864
Родительское вознаграждение	7 перекодированный	0,545	0,866
Родительское вознаграждение	8 перекодированный	0,589	0,862
Родительское удовлетворение	17 перекодированный	0,574	0,863
Родительское удовлетворение	18 перекодированный	0,619	0,862

Как видно из таблицы 1, вклад каждого пункта в общую надежность шкалы велик. При удалении каждого пункта наблюдается понижение коэффициента α Кронбаха, что подтверждает согласованность каждого пункта со всей шкалой в целом. Вопрос 2 вызывает некоторые сомнения – мы видим слабую корреляционную связь с суммарным баллом по опроснику, однако при его исключении все же наблюдается небольшое снижение показателя согласованности.

Также были посчитаны *коэффициенты надежности и согласованности для субшкал теста.* Уровень надежности для субшкалы «Родительское вознаграждение» составил α = 0,881, а

для субшкалы «Потеря контроля» – 0,743. Данные значения демонстрируют высокие и достаточные показатели надежности (таблица 3).

Таблица 3 – Внутренняя согласованность утверждений и показателей по субшкалам опросника «Шкала родительского стресса»

Субшкала и показатель согласованности	Утверждение	Корреляция пункта с суммарным баллом	α Кронбаха при удалении пункта
Родительское вознаграждение α = 0,881	1	0,570	0,758
	5	0,451	0,792
	6	0,641	0,735
	7	0,685	0,733
	8	0,594	0,761
Потеря контроля α = 0,743	10	0,577	0,698
	12	0,561	0,699
	15	0,523	0,724
	16	0,591	0,682

Однако анализ параметров внутренней надежности по субшкалам «Родительские стрессоры» и «Родительское удовлетворение» показал сомнительность соотнесения некоторых утверждений с данными субшкалами. Так, общий показатель α Кронбаха по субшкале «Родительские стрессоры» оказался невысок и составил 0,567, как и α Кронбаха после удаления утверждения. Мы предположили, что это связано с недостаточностью пунктов, и рассчитали эти показатели по утверждениям, которые изначально авторами были отнесены к данной субшкале и впоследствии были удалены экспертами. В этом случае результаты согласованности оказались достаточны (таблица 4).

Таблица 4 – Внутренняя согласованность утверждений и показателей по субшкале «Родительские стрессоры» в авторской и экспертной версиях

Субшкала и показатель согласованности	Утверждение	Корреляция пункта с суммарным баллом	α Кронбаха при удалении пункта
Расчет по составу утверждений субшкалы в соответствии с экспертной оценкой			
Родительские стрессоры α = 0,567	3	0,302	0,532
	9	0,331	0,511
	11	0,374	0,475
	13	0,395	0,459
Расчет по составу утверждений субшкалы в соответствии с авторской версией			
Родительские стрессоры α = 0,743	3	0,329	0,747
	9	0,365	0,739
	11	0,507	0,700
	10	0,630	0,660
	12	0,589	0,679
	16	0,482	0,708

Как видно из результатов, часть утверждений, отнесенных русскоязычными экспертами к шкале «Потеря контроля» (и показавших согласованность в ее структуре), в то же время могут выявлять и показатели родительских стрессоров.

При анализе показателей внутренней надежности по субшкале «Родительское удовлетворение» обнаружен вопрос, который включен экспертами в данную шкалу, но не согласован с ней (утверждение 4). Величина его согласованности составляет всего α = 0,160, а при удалении данного пункта наблюдается понижение коэффициента α Кронбаха. После удаления утверждения 4 из этой субшкалы мы получили достаточные значения согласованности (таблица 5).

Таблица 5 – Внутренняя согласованность утверждений и показателей по субшкале «Родительское удовлетворение» до коррекции состава утверждений и после нее

Субшкала и показатель согласованности	Утверждение	Корреляция пункта с суммарным баллом	α Кронбаха при удалении пункта
Расчет по составу утверждений субшкалы в соответствии с экспертной оценкой			
Родительское удовлетворение α = 0,613	14	0,383	0,490
	4	0,160	0,701
	17	0,479	0,384
	18	0,496	0,399
Расчет по составу утверждений субшкалы после удаления слабо согласованного утверждения			
Родительское удовлетворение α = 0,705	14	0,444	0,697
	17	0,540	0,596
	18	0,596	0,512

Таким образом, анализ внутренней надежности и согласованности утверждений с общим показателем родительского стресса по всей шкале и с показателями по субшкалам привел нас к окончательному варианту распределения утверждений относительно субшкал, достигших приемлемого эталонного значения коэффициента α Кронбаха (α ≥ 0,70) (таблица 6).

Таблица 6 – Итоговая структура русскоязычной версии опросника «Шкала родительского стресса» на основании показателей внутренней надежности и согласованности

Субшкала	Утверждение
Родительские стрессоры α = 0,743	3, 9 ,11, 10, 12 ,16
Родительское вознаграждение α = 0,881	1 (r)*, 5 (r)*, 6 (r)*, 7 (r)*, 8 (r)*
Потеря контроля α = 0,743	10, 12, 15, 16
Родительское удовлетворение α = 0,705	14, 17(r)*, 18 (r)*
Вопросы, не соотнесенные ни с одной из субшкал, но учитываемые в общем уровне родительского стресса	2 (r)*, 4, 13

*Вопрос является обратным и требует инвертирования баллов.

Проверка внутренней валидности. В целях оценки и коррекции внутренней валидности шкал методики применялся конфирматорный факторный анализ (КФА). Как исходная теоретическая модель использована предложенная авторами четырехфакторная структура, в которую входили утверждения в соответствии с результатами экспертной оценки. Итоговая (апостериорная) модель характеризуется хорошим соответствием эмпирическим данным χ^2 = 130,676; p = 0,052; CFI = 0,936; AGFI = 0,897; RMSEA = 0,034. Факторная структура итоговой модели демонстрирует стандартизированные значения факторных нагрузок – все нагрузки статистически значимы (рисунок 1).

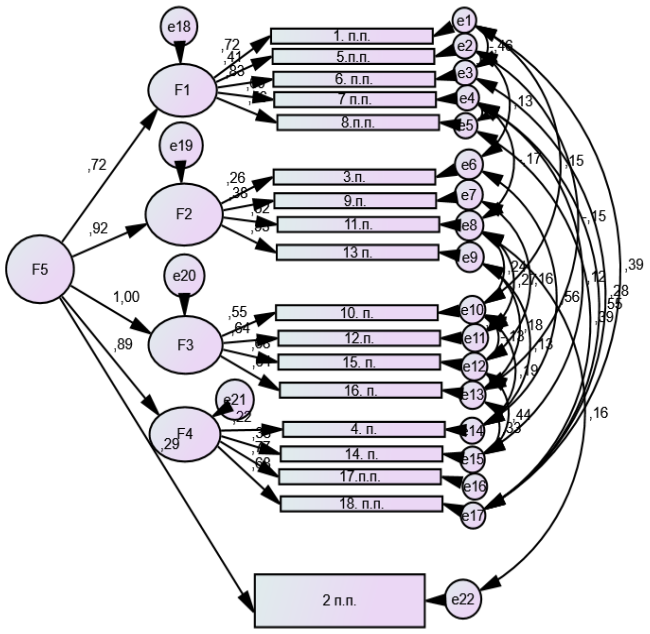

Рисунок 1 – Апостериорная четырехфакторная модель со стандартизованными оценками параметров

Выводы. Таким образом, достигнув эквивалентности перевода и оригинала, преодолев лингвистические и социокультурные препятствия, мы провели стандартную психометрическую проверку PSS на русскоязычной выборке. Результаты исследования подтверждают, что адаптированная версия PSS валидна – теоретически ожидаемая факторная структура и надежность шкал опросника подтверждены на эмпирических данных. Полученные данные дополняют большинство предыдущих исследований (Algarvio et al., 2018; Berry, Jones, 1995; Zelman, Ferro, 2018), показывая, что PSS охватывает несколько аспектов родительского стресса. Русскоязычная версия опросника «Шкала родительского стресса» отличается высоким уровнем общей внутренней

надежности и согласованности каждого утверждения относительно общих показателей родительского стресса. КФА подтвердил структуру авторского опросника, согласно которому выделяются четыре субшкалы: «Родительская неудовлетворенность», «Родительские стрессоры», «Потеря контроля» и «Родительский ущерб». В конечной версии методики, полученной после анализа внутренней надежности, мы подтвердили авторское решение об исключении участия результатов утверждений 2 и 4 из показателей оценок субшкал по методике, как и утверждение 13, но сохранили необходимость их включения в оценку общего уровня родительского стресса. Это решение основано на строгих психометрических оценках в соответствии с культурным контекстом и использованием адекватных размеров выборки.

Шкала родительского стресса с успехом может применяться как одномерная шкала в соответствии с рекомендациями разработчиков (Berry, Jones, 1995; Leung, Tsang, 2010). Общие показатели уровня родительского стресса будут варьировать в пределе от 18 до 90 баллов, чем больше балл, тем выше данный уровень.

Перспективой дальнейшей психометрической работы над опросником служит проверка внешней надежности и валидности. Важным является понимание возможностей достижения нормальности распределения, например за счет нормализации выборки по половому составу, и сопоставления психометрических свойств методики с выборкой родителей нормотипичных детей.

Список источников:

Апробация методики «Шкала родительского стресса» / М.С. Муниц, А.С. Кочнева, М.В. Царапкина, В.И. Терлюк, М.С. Большаков, Р.Р. Животягин // Ломоносов-2009 : материалы докл. XVI Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. М., 2009. С. 177–179.

Николаева И.А., Овчарова Р.В. Основные направления исследований родительской толерантности // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 1 (48). С. 37–42.

Орёл В.Е., Сенин И.Г. Опыт адаптации зарубежного опросника: организационный и содержательный аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Психология. 2008. № 33 (133). С. 71–77.

Петрановская Л.В., Чеботарева Е.Ю. Родительский стресс российских матерей и его связь со стилем привязанности // Возможности и риски цифровой среды : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. по психологии развития / ред. Т.А. Басилова, Е.Г. Дозорцева, Т.А. Егоренко и др. Т. 2. М., 2019. С. 306–310.

Abidin R.R. The determinants of parenting behavior // Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology. 1992. Vol. 21, no. 4. P. 407–412. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp2104_12.

Algarvio S., Leal I., Maroco J. Parental stress scale: Validation study with a Portuguese population of parents of children from 3 to 10 years old // Journal of Child Health Care. 2018. Vol. 22, no. 4. P. 563–576. https://doi.org/10.1177/1367493518764337.

Berry J.O., Jones W.H. The parental stress scale: Initial psychometric evidence // Journal of Social and Personal Relationships. 1995. Vol. 12, no. 3. P. 463–472. https://doi.org/10.1177/0265407595123009.

Cheung S.K. Psychometric properties of the Chinese version of the Parental Stress Scale // Psychologia: An International Journal of Psychology in the Orient. 2000. Vol. 43, no. 4. P. 253–261.

Hobfoll S.E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American Psychologist. 1989. Vol. 44, no. 3. P. 513–528. https://doi.org/10.1037/0003-066X.44.3.513.

Impact of stress, coping, social support, and resilience of families having children with autism: A North East India-based study / S. Das, B. Das, K. Nath, A. Dutta, P. Bora, M. Hazarika // Asian Journal of Psychiatry. 2017. Vol. 28. P. 133–139. https://doi.org/10.1016/j.ajp.2017.03.040.

ITC guidelines for translating and adapting tests (Second edition) / D. Bartram, G. Berberoglu, J. Grégoire, R. Hambleton, J. Muñiz, F. Van de Vijver // International Journal of Testing. 2018. Vol. 18. P. 101–134. https://doi.org/10.1080/15305058.2017.1398166.

Leung C., Tsang S.K.M. The Chinese parental stress scale: Psychometric evidence using Rasch modeling on clinical and nonclinical samples // Journal of Personality Assessment. 2010. Vol. 92, no. 1. P. 26–34. https://doi.org/10.1080/00223890903379209.

Louie A.D., Cromer L.D., Berry J.O. Assessing parenting stress: Review of the use and interpretation of the parental stress scale // The Family Journal. 2017. Vol. 25, no. 4. P. 359–367. https://doi.org/10.1177/1066480717731347.

Nærde A., Sommer Hukkelberg S. An examination of validity and reliability of the Parental Stress Scale in a population based sample of Norwegian parents // PloS One. 2020. Vol. 15, no. 12. P. 242–251. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0242735.

Oronoz B., Alonso-Arbiol I., Balluerka N.A. Spanish adaptation of the parental stress scale // Psicothema. 2007. Vol. 19, no. 4. P. 687–692.

Parental stress, family quality of life, and family-teacher partnerships: Families of children with autism spectrum disorder / Y.-J. Hsiao, K. Higgins, T. Pierce, P. Whitby, R. Tandy // Research in Developmental Disabilities. 2017. Vol. 70. P. 152–162. https://doi.org/10.1016/j.ridd.2017.08.013.

Pontoppidan M., Nielsen T., Kristensen I.H. Psychometric properties of the Danish Parental Stress Scale: Rasch analysis in a sample of mothers with infants // PloS One. 2018. Vol. 13, no. 11. P. 56–62. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0205662.

Tavakol M., Dennick R. Making sense of Cronbach's alpha // International Journal of Medical Education. 2011. Vol. 2. P. 53–55. https://doi.org/10.5116/ijme.4dfb.8dfd.

Validation of parental stress scale in a Greek sample of mothers with infants from 0 to 12 months / C. Ekizoglou, E. Vousoura, D. Anagnostopoulos, C. Papageorgiou, I.M. Zervas // Infant Mental Health Journal. 2022. Vol. 43, no. 2. P. 300–310. https://doi.org/10.1002/imhj.21971.

Zelman J.J., Ferro M.A. The parental stress scale: Psychometric properties in families of children with chronic health conditions // Family Relations. 2018. Vol. 67, no. 2. P. 240–252. https://doi.org/10.1111/fare.12306.

References:

Abidin, R.R. (1992) The Determinants of Parenting Behavior. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. 21 (4), 407–412. Available from: doi:10.1207/s15374424jccp2104_12.

Algarvio, S., Leal, I. & Maroco, J. (2018) Parental Stress Scale: Validation Study with a Portuguese Population of Parents of Children from 3 to 10 Years Old. *Journal of Child Health Care*. 22 (4), 563–576. Available from: doi:10.1177/1367493518764337.

Bartram, D., Berberoglu, G., Grégoire, J., Hambleton, R., Muñiz, J. & Van de Vijver, F. (2018) ITC Guidelines for Translating and Adapting Tests (Second Edition). *International Journal of Testing*. 18, 101–134. Available from: doi:10.1080/15305058.2017.1398166.

Berry, J.O. & Jones, W.H. (1995) The Parental Stress Scale: Initial Psychometric Evidence. *Journal of Social and Personal Relationships*. 12 (3), 463–472. Available from: doi:10.1177/0265407595123009.

Cheung, S.K. (2000) Psychometric Properties of the Chinese Version of the Parental Stress Scale. *Psychologia: An International Journal of Psychology in the Orient*. 43 (4), 253–261.

Das, S., Das, B., Nath, K., Dutta, A., Bora, P. & Hazarika, M. (2017) Impact of Stress, Coping, Social Support, and Resilience of Families Having Children with Autism: A North East India-Based Study. *Asian Journal of Psychiatry*. 28, 133–139. Available from: doi:10.1016/j.ajp.2017.03.040.

Ekizoglou, C., Vousoura, E., Anagnostopoulos, D., Papageorgiou, C. & Zervas, I.M. (2022) Validation of Parental Stress Scale in a Greek Sample of Mothers with Infants from 0 to 12 Months. *Infant Mental Health Journal*. 43 (2), 300–310. Available from: doi:10.1002/imhj.21971.

Hobfoll, S.E. (1989) Conservation of Resources: A New Attempt at Conceptualizing Stress. *American Psychologist*. 44 (3), 513–528. Available from: doi:10.1037/0003-066X.44.3.513.

Hsiao, Y.-J., Higgins, K., Pierce, T., Whitby, P. & Tandy, R. (2017) Parental Stress, Family Quality of Life, and Family-Teacher Partnerships: Families of Children with Autism Spectrum Disorder. *Research in Developmental Disabilities*. 70, 152–162. Available from: doi:10.1016/j.ridd.2017.08.013.

Leung, C. & Tsang, S.K.M. (2010) The Chinese Parental Stress Scale: Psychometric Evidence Using Rasch Modeling on Clinical and Nonclinical Samples. *Journal of Personality Assessment*. 92 (1), 26–34. Available from: doi:10.1080/00223890903379209.

Louie, A.D., Cromer, L.D. & Berry, J.O. (2017) Assessing Parenting Stress: Review of the Use and Interpretation of the Parental Stress Scale. *The Family Journal*. 25 (4), 359–367. Available from: doi:10.1177/1066480717731347.

Munits, M.S., Kochneva, A.S., Tsarapkina, M.V., Terlyuk, V.I., Bolshakov, M.S. & Zhivotyagin, R.R. (2009) Aprobaciya metodiki “Shkala roditel'skogo stressa” [Approbation of the Methodology “Scale of Parental Stress”]. In: *Proceedings of the XVI International scientific conference of students, graduate students and young scientists “Lomonosov-2009”*. Moscow, MAKS Press, 177–179. (In Russian)

Nærde, A. & Sommer Hukkelberg, S. (2020) An Examination of Validity and Reliability of the Parental Stress Scale in a Population Based Sample of Norwegian Parents. *PloS One*. 15 (12), 242–251. Available from: doi:10.1371/journal.pone.0242735.

Nikolaeva, I.A. & Ovcharova, R.V. (2018) Main Research Areas of Parental Tolerance. *Vestnik of the Kurgan State University*. (1), 37–42. (In Russian)

Orjol, V.E. & Senin, I.G. (2008) The Experience of Adaptation of Foreign Questionnaire: Organizational and Content Aspects. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"*. (33), 71–77. (In Russian)

Oronoz, B., Alonso-Arbiol, I. & Balluerka, N.A. (2007) Spanish Adaptation of the Parental Stress Scale. *Psicothema*. 19 (4), 687–692.

Petranovskaya, L.V. & Chebotareva, E.Yu. (2019) Parental Stress of Russian Mothers and Its Connection with Attachment Style. In: Basilova, T.A., Dozortseva, E.G., Egorenko, T.A. et al. (eds.) *Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference on Developmental Psychology “Opportunities and risks of digital environment”. Vol. 2*. Moscow, MGPPU, 306–310. (In Russian)

Pontoppidan, M., Nielsen, T. & Kristensen, I.H. (2018) Psychometric Properties of the Danish Parental Stress Scale: Rasch Analysis in a Sample of Mothers with Infants. *PloS One*. 13 (11), 56–62. Available from: doi:10.1371/journal.pone.0205662.

Tavakol, M. & Dennick, R. (2011) Making Sense of Cronbach’s Alpha. *International Journal of Medical Education*. 2, 53–55. Available from: doi:10.5116/ijme.4dfb.8dfd.

Zelman, J.J. & Ferro, M.A. (2018) The Parental Stress Scale: Psychometric Properties in Families of Children with Chronic Health Conditions. *Family Relations*. 67, (2), 240–252. Available from: doi:10.1111/fare.12306.

Информация об авторах

Ю.В. Мисиюк – младший научный сотрудник, Костромской государственный университет, Кострома, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1075567.

И.В. Тихонова – доцент кафедры специальной педагогики и психологии, Костромской государственный университет, Кострома, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=685564.

Information about the author

Yu.V. Misiyuk – Junior Research Fellow, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1075567.

I.V. Tikhonova – Associate Professor, Department of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=685564.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.09.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 26.09.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 27.09.2022.